

слов, но весь «мат» нужно представить как особую подсистему со своей грамматикой, позволяющей образовывать эти новые значения (см. также: *Ward D. Pro-from and Metaphor — Pro-from and Vocate* // Там же. 1982. V. 7. P. 21—23). Семантический анализ таких значений см.: *Левин Ю. И. Об обшценных выражениях русского языка* // Там же. 1986. V. 10. P. 61—72.

⁵ Описанное Л. Самойловым «буквальное» восприятие мата (как относящегося к матери) косвенно засвидетельствовано и в сравнительно поздних русских текстах. См.: *Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии* // *Studia Slavica Hungarica*. 1983. T. 29. P. 33—69, 1987. T. 33. P. 37—76. В последнее время у нас распространилось (в основном в средствах массовой информации) немало неверных и дилетантских рассуждений об этой сфере лексики, поэтому мне показалось уместным подробнее остановиться на ней и привести основные работы.

⁶ *Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода* // *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике*. М., 1978. С. 19.

⁷ Например: *Lévi-Strauss C. The Elementary Structures of Kinship* [1949]. Boston, 1969. P. 84—97.

⁸ Аналогичные явления встречаются, например, в литературе, см.: *Левинтон Г. А. Замечания к проблеме «литература и фольклор»* // *Труды по знаковым системам*. Тарту, 1977. T. 7. С. 83. Прим. 27.

⁹ Не все примеры блатных по происхождению слов, приводимые Л. Самойловым, одинаково убедительны, *халтура*, например, вовсе не из уголовного арго.

© 1990 г.

Я. И. Гилинский

СУБКУЛЬТУРА ЗА РЕШЕТКОЙ

Широкое движение в защиту прав граждан, незаконно и несправедливо подвергающихся ограничениям и репрессиям, нередко проходит мимо тех, чьи права и свободы ограничены на законном основании. Между тем, сколь бы ни был виновен гражданин в совершении уголовного преступления, он не должен подвергаться большому лишению, нежели это предусмотрено законом. К сожалению, практика наших пенитенциарных учреждений расходится с принципами правового государства.

Общемировой «кризис наказания» (см. работы Д. Блэка, У. Бондесона, Н. Кристи, Ф. Макклитока, Дж. Митфорда, У. Нэйджела, Г. Хохрякова, И. Шмарова и др.) проявился и в Советском Союзе, но еще обостренный наследием репрессивной сталинской системы. Лишь в самое последнее время появились в массовой печати материалы, приоткрывающие завесу секретности, которая охраняла «тайны» мест лишения свободы надежнее колючей проволоки. Среди публикаций на эту тему особый интерес вызывают работы Л. Самойлова, поскольку они явились взглядом «изнутри» системы¹.

В своих статьях Л. Самойлов, не будучи юристом, раскрывает основные «грехи» нашей карательной практики.

«Законные» беззакония начинаются уже в отношении лиц, содержащихся под стражей во время предварительного расследования. Они испытывают практически все тяготы осужденного к лишению свободы и сверх того — лишены права переписки, свиданий с родственниками. Если по закону (ст. 97 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК союзных республик) срок содержания под стражей во время предварительного следствия не должен превышать 9 месяцев и то лишь с санкции Генерального прокурора СССР, то фактически этот срок может быть продлен на сколь угодно длительное время Президиумом Верховного Совета СССР (свежий тому пример см. в газете «Правда» от 1 июля 1989 г.).

Лица, приговоренные судом к наказанию в виде лишения свободы, отбывают его в исправительно-трудовых учреждениях с различным режимом. Конечно, дифференциация условий отбывания наказания в зависимости от возраста осужденного, тяжести совершенного преступления, умышленного или неосторожного характера содеянного и т. п. способствует дифференциации самого наказания. Однако фактические условия отбывания наказания ужасны: к закон-

ному лишению свободы добавляются бесправие перед администрацией и... «ворами в законе», «черной мастью», заправляющими в исправительно-трудовых и воспитательно-трудовых колониях (ИТК, ВТК). Произвол «черной масти» не поддается описанию и доходит до «беспредела»².

В деятельности пенитенциарных учреждений завязан узел проблем: правовых и нравственных, экономических и педагогических, политических и психологических. Ниже мы попытаемся рассмотреть лишь одну из них — формирование и значение *субкультуры* заключенных. Заметим, что в современной отечественной литературе этот вопрос наиболее полно исследован в работах Г. Ф. Хохрякова³.

Долгие годы навязчивая (и навязываемая!) убежденность в единстве всего советского народа, в единой советской культуре, в едином социалистическом образе жизни и т. п. затрудняли (а порой делали невозможным) исследование реальной дифференциации населения — и социально-классовой, и национально-этнической, и культурной.

Будучи *способом* жизнедеятельности, культура включает не только общественно «полезные», но и «вредные» формы деятельности: преступления, пьянство, применение наркотиков, суицидальное поведение и т. п., являющиеся компонентами культуры. Вообще деятельность, не соответствующая установившимся в данном обществе нормам (типам, шаблонам), охватывается понятием *девиантного* (отклоняющегося) поведения. Отклоняющееся поведение может быть позитивным, ломающим устаревшие нормы и объективно способствующим прогрессу (социальное творчество), и негативным, препятствующим существованию или развитию общества (социальная патология). Отклоняющееся поведение «культурно», поскольку, во-первых, как способ деятельности включено в культуру общества, а, во-вторых, поскольку само «нормировано», осуществляется вполне определенными способами, в виде культурных «шаблонов». Так, «нормы, а тем самым типы и частота агрессивных форм поведения задаются культурой. Их различия зафиксированы в целом ряде исследований межкультурных различий»⁴. Институционализированы способы самоубийства (японское *харакори*, индийское *сати*), ритуалы приема алкоголя и наркотиков и т. п. С другой стороны, культура (способ жизнедеятельности!) изменяется посредством отклоняющегося поведения. Прежде всего — в результате социального творчества, но также и под воздействием социальной патологии. Культура вбирает, аккумулирует аксиологически неравнозначные, подчас противоположные, способы (образцы) деятельности постольку, поскольку они объективно *адаптивны*, выполняют явные и/или латентные функции. Очевидно, что сохраняющиеся формы негативно отклоняющегося поведения функциональны и только поэтому не элиминированы в процессе исторического развития общества («сбалансированный полиморфизм»).

Если для некоторых социальных общностей отклоняющееся поведение становится преобладающим, ведущим, иными словами — образом жизни группы, то такая общность складывается и проявляет себя как *субкультура* со своими нормами («вор в законе» — страж безусловного выполнения субкультурных норм, воровского Закона!), ценностями, языком (жаргоном). Разумеется, разграничение «культуры» и «субкультуры» относительно и не должно нести аксиологической нагрузки. Ибо, что «лучше», например: «культура» советского общества 30-х годов или же «субкультура» политзаключенных или «невозвращенцев»?.. Бывает, что вообще нет единой для общества культуры, и оно состоит из субкультур⁵.

Некоторые субкультуры «вечны», например подростковая или молодежная, существовавшая во все времена человеческой истории. Субкультура формируется в результате обособления и интеграции людей, чье поведение и образ жизни не соответствуют нормам и ценностям большинства. Социально-психологические факторы формирования субкультурных сообществ — потребность людей в объединении, психологическая защита, самопроявление и самоутверж-

дение среди себе подобных. Субкультурные сообщества тем более сплочены и отличаются от социального большинства, чем более энергично отторгаются, а то и преследуются обществом. Поэтому, например, группа наркоманов интегрирована больше, чем компания пьяниц, но меньше, чем преступные сообщества. Интеграция субкультурных групп является следствием давления социального контроля и по степени обратно пропорциональна ему. Вот почему, чем терпимее общество, тем менее «зlostны» его субкультуры.

Субкультура заключенных — противостественное образование, сообщество поневоле. Но став таковым, оно самоорганизуется. Во всех ИТК и ВТК (во всяком случае, мужских) складывается трехступенчатая, строго иерархизированная структура: лидеры («воры в законе, «черная масть»), нейтральное большинство («мужики») и на низшей ступени — отверженные. «Положение у этих осужденных ужасно. Они оказываются как бы в двойной изоляции: у них специальные и, разумеется, худшие места в столовой, в спальнях помещениях, „свой“ ряд в кинозале. Они в последнюю очередь моются в бане, выполняют самые грязные и тяжелые работы. Нормы поведения запрещают остальным осужденным вступать с отверженными в контакты»⁶. Эта лаконичная характеристика специалиста дополняется страшными сценами, описанными Л. Самойловым. Попастъ в отверженные несложно: достаточно нарушить определенные нормы сообщества. Подняться из отверженных практически невозможно.

Иерархия субкультуры заключенных используется администрацией исправительно-трудовых учреждений (ИТУ) в целях поддержания внешнего «порядка». Лишь «беспредел» со стороны «черной масти» может поднять «мужиков» на бунт.

Ненормальная обстановка в местах лишения свободы способствует неэффективности всей пенитенциарной системы. Это не удивительно. Два ее идеологических «столпа»: воспитание «коллективом» и «трудом» — бессмысленны, когда речь идет о коллективе преступников и принудительном труде. Вообще надо понять, что лишение свободы — *вынужденная* мера наказания, пока общество не нашло иных, альтернативных мер самозащиты. Провозглашаемая уголовным законом цель «перевоспитания» осужденных не может быть достигнута в условиях субкультуры заключенных, принудительного труда («воспитывающего» лишь отвращение к нему), погони за Планом (замещающим все воспитательные мероприятия).

Вот осужденный отбыл наказание и освободился из заключения. Он явно нуждается в реадaptации. На деле же начинаются мытарства с трудоустройством, жильем и... пропиской. Советский Союз — единственная страна в мире, где судьба человека отягощена институтом прописки. Она изрядно портит жизнь правопослушным гражданам, а для лиц, отбывших наказание, превращается в орудие возвращения их в места не столь отдаленные (предусмотрена уголовная ответственность за нарушение паспортных правил — 198 УК РСФСР, за бродяжничество, попрошайничество и тунеядство — ст. 209 УК РСФСР). Государство своими руками штампует преступников и рецидивистов...

Современная пенитенциарная система малоэффективна во всех странах. Во всех странах тюрьма — кузница преступников. Там, где это понимают, стараются хотя бы пореже прибегать к этой мере «борьбы с преступностью». Так, в Японии из всех видов наказания штраф назначается в отношении 95% осужденных, а лишение свободы составляет... 3,5%⁷. У нас же до недавнего времени лишение свободы применялось судами в 60—70% обвинительных приговоров, и только за последние годы доля приговоров к лишению свободы понизилась до 30—40%.

Миллионы советских граждан проходят через ИТУ, неся в течение всей жизни клеймо человека, который «сидел». Конечно же, лагерная иерархия и субкультура заключенных — лишь отражение общественной иерархии и культуры общества. Именно поэтому перестройка общества и перестройка пенитенциарной системы взаимосвязаны. Одно из тяжких последствий царившего у нас дол-

гие десятилетия тоталитарного режима — формирование в общественном сознании святой веры в запретительно-репрессивные меры как лучшее средство решения социальных проблем. Тревожен рост преступности и иных негативных явлений. Стократ тревожнее искренняя убежденность многих, что этот рост можно «сбить» усилением репрессий. Насилие, в том числе со стороны государства, порождает только насилие. Ибо, как заметил еще К. Маркс, «со времен Каина мир никогда не удавалось ни исправить, ни утратить наказанием. Как раз наоборот!»⁸

Примечания

¹ Самойлов Л. Правосудие и два креста // Нева. 1988. № 5; *его же*. Путешествие в перевернутый мир // Нева. 1989. № 4.

² Помимо статей Л. Самойлова, см.: Еремин В. Лесоповал // Огонек. 1988. № 51. С. 26—29; № 52. С. 20—23; Маймистов И. Отверженные // Лит. газета. 1989. № 16; Никитинский Л. Беспредел // Огонек. 1988. № 32. С. 27—29 и др.

³ См.: Хохряков Г. Ф. Формирование правосознания у осужденных. М., 1985; *его же*. Социальная среда, личность и правосознание осужденных: Автореф. дис. ...докт. юрид. наук. М., 1987; *его же*. Наказание лишением свободы // Соц. исследования. 1989. № 2. С. 75—83.

⁴ Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М., 1986. Т. 1. С. 369.

⁵ См.: Кнабе Г. С. Понимание культуры в древнем Риме и ранний Тацит // История философии и вопросы культуры. М., 1975. С. 109.

⁶ Хохряков Г. Ф. Наказание лишением свободы. С. 79.

⁷ Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. М., 1989. С. 176—177.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 531.